

Снег, падавший много дней, наконец прекратился, и солнце садилось.

Восход и закат солнца были абсолютно обычным делом в этом мире.

Однако именно в этот злополучный день все было иначе.

Бай Юфей уже убрал столы в большом зале. По сравнению с другими, он сделал гораздо больше за меньшее время. Управляющий У увидел его и, с весельем в глазах, размышлял, стоит ли ему позволить Шэнь Ляну уволить нескольких других и покончить с этим.

Конечно, Шэнь Ляну нечем было заняться. Он пил чай. Обычные чайные листья, растаявший снеговой воды, пар от чая поднимался вверх, образуя клубы.

Обычный прохожий видел только усердие Бай Юфея, но Шэнь Лянь замечал, что тот совершенствовал особый вид боевых искусств во время движений.

Его центр тяжести был ниже, чем у обычных людей. Приземляясь на ногу, его тело наклонялось вперед, но пол сначала касалась пятка. Его позы были явно странными, но он не проявлял неловкости, что не позволяло никому заметить его чужаковатость.

Этот вид боевых искусств, вероятно, был направлен на развитие определенного вида телесного движения, где основное внимание уделялось равновесию.

Была старая пословица: "Воспитывай тело, управляй нацией, и мир воцарится во всей Вселенной". Этот мир проистекает из равновесия.

Было редкостью сохранять равновесие в мировом устройстве.

Это было так, как будто это телесное движение было создано специально для Бай Юфея, потому что позвоночник Бай Юфея был искривлен больше, чем у любого нормального человека. Именно из-за этой деформации его центр тяжести отличался от центра тяжести другого человека. Он всегда находился в неуравновешенном состоянии, что позволяло ему найти свою собственную точку равновесия, которая идеально совпадала с этим видом боевых искусств.

"Его нож, может быть, не быстр, но будет очень быстр, когда он продемонстрирует свое мастерство", — Шэнь Лянь представил, что если бы Бай Юфей раньше имел возможность использовать свой нож, исходя из его телесных движений, его техника владения ножом была бы последовательной, которой не многие смогли бы избежать.

Одновременно он смог заметить, что техника владения ножом у Бай Юфея не достигла уровня, когда нож и человек едины. Поэтому не было полного согласия между телесными движениями и техникой владения ножом, и он не мог использовать свой нож, что привело к ранению.

Хотя Бай Юфей и занимался физическим трудом, он вовсе не чувствовал усталости. За всю свою жизнь он ни разу не занимался такого рода трудом и никогда не зарабатывал себе на жизнь. Как только человек вступает в Цзянху, он вынужден делать то, что ему не по душе. У него отсутствовало чувство защищенности, но тут был Шэнь Лянь. Впервые в жизни он не мог противиться такому чувству. Он также чувствовал, что Шэнь Лянь был тем, кто достоин уважения. Это было связано с тем, что у Шэнь Ляня имелось преимущество, которого нет ни у кого другого.

Это был взгляд Шэнь Ляня. Неважно, на кого он смотрел, для него все были одинаковы. Когда

он смотрел на тебя, не было ни замыслов, ни предубеждений.

Бай Юфей странствовал по Цзянху и встречал бесчисленное множество людей. У него было свое собственное видение других, и Шэнь Лянь определенно был одним из особенных людей или даже он был в своем роде уникальным.

"Молодой господин, старому господину нездоровится, вам следует немедленно вернуться".

Мужчина в сером халате ворвался в дверь, он был одним из многих членов секты Зеленого бамбука, и "молодой господин", которого он упомянул, естественно, был не Шэнь Лянь, а Ань Женьцзе.

Ань Женьцзе крикнул в ответ: "Неужели этот старик притворяется больным, чтобы обманом заставить меня вернуться?"

Слуга ответил: "На этот раз это серьезное дело, молодой господин. Молодой господин с вершины Минцзянь прибыл и забрал это сокровище из нашей секты. Лидер также ранен. Пожалуйста, просто вернитесь и взгляните".

Лицо Ань Женьцзе помрачнело; даже не заботясь больше о делах Цзянху, он тоже знал о вершине Минцзянь.

Выражение лица Бай Юфея также изменилось: "Итак, они все-таки пришли".

Я же говорил, что той проклятой картины не следовало оставлять, можно было бы решить все проблемы, если бы сожгли ее. Однако, старик этот бережет ее как сокровище. Если бы эта игрушка действительно имела хоть какое-то отношение к бессмертию, то кто-нибудь из нашей семьи стал бы бессмертным за столько лет. Мне бы хоть немного бессмертной энергии перепало. Теперь, когда она пропала, это даже хорошо, потому что больше не приходится жить в страхе. Ань Женьцзе услышав это, не только не расстроился, а даже обрадовался.

И тут же обратился к Шэнь Ляню: «Юный господин Шэнь, разве у вас нет всегда интереса к подобным вещам? Вот и подвернулся случай. Найдете — она ваша. Клянусь, старик не осмелится ее у вас забрать».

«Найти ее необязательно, придет сама», — спокойно улыбнулся Шэнь Лянь. Потери и приобретения трудно предсказать, все сводится к слову «судьба».

Удача имеет свою судьбу, бескорыстие имеет свою судьбу, злоба имеет свою судьбу, есть встречи предназначенные, есть расставания предназначенные, и узнать об этом невозможно.

Вдруг на лице старика в серой мантии отразился ужас, он указал вперед и сказал: «Юный господин, вот паланкин сына правителя горы Минцзянь».

Темно-зеленый паланкин возник не из земли и не со снега, а спустился с неба.

Мечники, одетые в облегающий зеленый наряд, несли паланкин и летели с противоположной стороны крыши. Паланкин медленно опускался, словно фонарь, как будто освободившись от пут гравитации. Заходящее солнце равномерно освещало все места и тянуло за собой длинную тень, которая как раз закрывала вход.

«Юный господин, гостиница «Ань» вот же она», — Цзянь Шисань, шедший впереди, четко видел парные надписи: «Здесь бывают культурные гости; Простые гости всегда

приветствуются». Был в них какой-то особый шарм, этот Шэнь Лянь, оказывается, поэтичная натура.

«Бай Юйфэй тоже здесь», — произнес Цзянь Шисы. Было видно, что Бай Юйфэй сильно произвел на него впечатление.

В конце концов, именно они вдвоем когда-то преследовали Бай Юйфэя от границ столицы государства Цин.

...

Никто бы не подумал, что сын правителя горы Минцзянь окажется инвалидом, который может передвигаться только в инвалидной коляске.

Но когда Бай Юйфэй увидел Е Лююня полностью, ненависть к нему из-за ранения развеялась, как дым.

Потому что происхождение Е Лююня было настолько замечательное, его изысканная манера держаться — необычная, а боевые навыки — непревзойденные, все это наилучшим образом демонстрировало, что даже боги завидовали его выдающимся способностям.

Когда у того, кто слишком идеален, есть недостаток, это неизбежная насмешка. Несчастье это в душе, а не в телесной оболочке.

Никто же не будет всерьез переживать из-за того, сколько рытвин на камне.

Разве что, как много людей испытают печаль или сожаление, если найдут изъян в бесценном куске белого жадеита?

Бай Юйфэй испытал жалость, а Ань Жэньцзе — потрясение. А старик в серой мантии, принесший весть, настоящего облика Е Лююня так и не увидел. Потому что для победы над сектой Зеленого бамбука достаточно было одного Цзянь Шисаня.

«Брат Бай, в тот день когда вы ушли в спешке, вы не попрощались, поговорить не успели, оставили после себя только нож. Конечно же, теперь, когда я нашел его владельца, надо вернуть его ему».

В руках Е Лююня был белый нож, черным был только рукоять. Когда он держал его в руках, казалось, будто он держит лучик света.

Было совершенно очевидно, что таким ножом пользуются ночью. Потому что, хотя Бай Юйфэй и совершает кражи, в честном поединке он никогда не нападает из засады.

С шумом белого света нож твердо приземлился в руки Бай Юйфэя.

Удерживая свой нож, он бросил на него мимолетный взгляд и застыл.

Сначала на рукояти ножа были выгравированы два слова — "Бай Ю".

Сейчас на рукояти ножа все еще были два слова, только "Бай Ю" превратились в "Суй Ю".

Он даже мог отчетливо видеть, что каждый штрих слова "Суй" ("Суй Ю") имел глубоко отпечатанный след пальца.

Не нужно было много слов, оригинальное слово "Бай" на рукояти ножа было не просто стерто — слово "Суй" было выцарапано с невероятной силой при помощи пальца.

Белый нефрит был разбит — что теперь делать человеку?

"Что случилось, брат Бай? Считаешь, слова на рукояти ножа нехороши? Если ты сочтешь, что "Суй Ю" звучит некрасиво, ты можешь сам их сменить или попросить кого-нибудь другого помочь тебе их сменить".

Материал ножа был очень похож на очень тонкий металл, и только те, у кого была такая же сила пальцев, как у Дали Цзиньгана, могли выгравировать на самом лезвии, и это никак не зависело от уровня мастерства в боевых искусствах.

Последнее предложение, очевидно, было адресовано Шэнь Ляню.

С самого начала Шэнь Лянь привлек внимание Е Люйюня.

Фактически, Шэнь Лянь был подобен идеальной версии Е Люйюня со своей несравненной грацией, своим сиянием и парой непарализованных ног.

<http://tl.rulate.ru/book/19041/4006804>